**МОРАЛЬ В «КАПИТАЛЕ».
ПОПЫТКА ПЕРЕСМОТРА МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

А. ХОННЕТ

*Франкфуртский университет, Франкфурт-на-Майне, Германия;
Колумбийский университет, Нью-Йорк, США*

Аннотация

В своей статье современный немецкий философ, представитель Франкфуртской школы Аксель Хоннет вслед за ведущими теоретиками западного марксизма признает существенное различие между историко-политическими сочинениями Маркса и его поздними экономическими работами. Специфику этого глубокого расхождения А. Хоннет обнаруживает в том, что при объяснении социальных процессов в этих двух типах своих сочинений Маркс использует разные категории временности, а также применяет различные теории действия. Автор наглядно показывает, что в историко-политических сочинениях Маркса моральные намерения коллективных акторов имеют решающее значение для социальных действий, в то время как в более поздних работах по политэкономии они уже не играют никакой роли, поскольку там все процессы развития общества объясняются в рамках экспансии логики капитала. Выводы, сделанные из моральных аспектов коллективных действий в историко-политических сочинениях Маркса, Хоннет использует в этой статье для концептуального расширения марксовского анализа капитала, основанного на «утилитарных предпосылках», что, по его мнению, можно характеризовать как чрезвычайно узкий подход. Хоннет убежден, что лишь при дополнении концептуальных основ «Капитала» социологическим контекстом становятся очевидными нормативные конфликты, сопровождающие капиталистическую деятельность. По его мнению, только при учете морали в политической экономии становится видимым фактор социальных противоречий во внутренних отношениях капиталистической рыночной экономики, что, как он считает, является необходимым шагом для построения любой практически ориентированной социальной теории.

Ключевые слова: моральные конфликты, временность, теория капитала, структурный анализ, теория действия.

Хоннет Аксель – немецкий философ, представитель Франкфуртской школы, директор Института социальных исследований во Франкфуртском университете, профессор Колумбийского университета.

ah2952@columbia.edu

Перевод с немецкого:

Коростиченко Екатерина Игоревна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

<https://iphras.ru/korostichenko.htm>

ek.korostichenko@gmail.com

Цитирование: ХОННЕТ А. (2018) Мораль в «Капитале». Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии / пер. с нем. Е.И. Коростиченко // Философские науки. 2018. №4. С. 45–61. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-45-61.

Одно из значительных достижений «западного марксизма» состоит в признании того факта, что в трудах Маркса существует глубокое расхождение, даже фатальное противоречие, между его историко-политическими сочинениями и его политической экономией. Этот тезис, представленный и у Мерло-Понти и, позднее, у Корнелиуса Касториадиса и у других авторов вплоть до Юргена Хабермаса [Merleau-Ponty 1968; Castoriadis 1980; Habermas 1968] не следует путать с появившейся позже более влиятельной и известной позицией школы Альтюссера, согласно которой более поздние сочинения Маркса по критике экономической теории отделены от его ранних антропологических трудов «эпистемологической» пропастью [Althusser 1968]. Более того, трое упомянутых авторов подчеркивают противоречие в самой поздней работе Маркса, представляющееся фатальным, поскольку оно ставит два одинаково важных наблюдения в отношении непримиримой оппозиции: в то время как историко-политические сочинения Маркса, по утверждению этих авторов, при объяснении социальных процессов главным образом рассматривают трансформирующую роль классовой борьбы и, следовательно, нормативных конфликтов, в «Капитале» такие моральные формы коллективного действия уже не играют никакой роли, поскольку в нем все процессы развития общества должны объясняться по образцу экспансии логики капитала. Переводя на язык понятийной системы теории действия, можно также сказать, что Маркс в одной части своих сочинений допускал, что моральные намерения коллективных акторов имеют решающее значение для социальных действий, в то время как в другой части он сводил все эти действия к осуществлению определенных, экономически обусловленных функциональных императивов. В основу своей статьи

я хочу положить представленный выше тезис, который я, в общем и целом, считаю правильным, при этом я не намерен заниматься поисками противоречий между различными логиками действия; напротив, я хочу поднять вопрос о том, какой бы была критика политической экономии у Маркса, если бы он уделял ей больше внимания в своих историко-политических сочинениях. Итак, меня интересуют теоретические предпосылки анализа капитала Карла Маркса: следует спросить, мог ли он при объяснении капиталистического развития больше учитывать факт нормативной конфликтности всех социальных процессов, который он с такой решительностью поместил в центр внимания своего исторического анализа? Поставленный таким образом вопрос, имеет, конечно, и методологическое значение в рамках исследований творчества Маркса, поскольку в значительной части политической экономии и истории экономических учений также существует тенденция полностью пренебрегать морально-творческими аспектами экономических действий в пользу структуры рынка, и вообще оспаривать возможность нормативных конфликтов; странным образом «структурализм» экономической теории Маркса, при всех своих противоречивых тенденциях, соприкасается здесь с аналитическими предпосылками главенствующей экономической теории, которая в своем теоретическом определении области экономического действия не привлекает моральные нормы для достижения как можно более точного описания интересов экономических акторов. Задействовать результаты, полученные Марксом в историко-политических сочинениях, и использовать их для концептуального расширения его теории экономики означает в то же время подвергнуть сомнению категориальные предпосылки современных экономических наук.

Чтобы надлежащим образом подойти к рассмотрению обозначенного вопроса, я хочу сначала исследовать то, какие категории временности мог использовать Маркс, сначала в своих историко-политических сочинениях, а затем в анализе капитала. Повсюду в своей критике политической экономии, где Маркс помимо чистого имманентного вневременного анализа помещал в поле своего рассмотрения исторические процессы вообще, они появлялись в определенной темпоральности, а именно в линейной, бессобытийной прогрессии подчинения капиталистическим отношениям — даже преодоление этой конкретной формы экономической организации представляется как следующая точка на непрерывном

пути распространения капиталистических отношений подчинения. Однако, как будет показано, такая форма темпоральности не согласуется с категорией временности, которую Маркс вынужден использовать для описания морально-политических конфликтов, анализируемых в его исторических сочинениях; эти конфликты не только имеют событийную, открытую структуру, но также, благодаря своему внутреннему отношению к легитимизирующим нормам, они демонстрируют совсем иные социальные принципы, нежели те конфликты, которые рассматриваются исключительно в анализе капиталистических отношений. От сравнения, в рамках которого в историко-политических и экономических сочинениях Маркса выделяются два различных вида темпоральности, я хотел бы во второй части своей статьи перейти к интересующему меня вопросу: мог бы Маркс теоретически иначе построить ядро своей политической экономии, если бы в ее исторических разделах он применил бы ту темпоральность, которую считал само собой разумеющейся при анализе историко-политических процессов? Таким образом, учитывая предпосылки исторических сочинений Маркса, можно поставить вопрос: что, если бы Маркс был вынужден покинуть тесные утилитаристские рамки классического экономического учения, представив экономических агентов как моральных акторов и допустив экономическое развитие посредством социальной борьбы?

1

В своих историко-политических сочинениях, прежде всего, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» и в «Гражданской войне во Франции» [Marx 2007, 7–131; Marx 1971] Маркс, как известно, применяет совсем другую теорию действия, нежели в части более зрелых своих работ, посвященных критике политической экономии: в то время как здесь (1) субъекты изображаются как функциональные носители или «характерные экономические маски лиц», которые в рамках экономики, несущей отпечаток частной собственности и стремления к накоплению, следуют только своим целерационально определенным интересам, там (2) они выступают в качестве членов социальных групп, которые представляют нормативные убеждения на основе своей региональной и профессиональной бытовой культуры и отстаивают их в общественно-политических конфликтах, чтобы способствовать их институциональному внедрению [Nonneth, Joas 1987]. Веро-

ятно, было бы некоторым преувеличением приписывать Марксу утверждение, что в его время такие дискуссии вращались прежде всего вокруг соответствующего толкования современных конституционных норм, рожденных Французской революцией. Но все же бесспорно, что как в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», так и в сочинении о Парижской коммуне (3) конфликтующие стороны представлены как коллективные акторы, которые нравственно убеждены в законности своих действий, поскольку они могут сослаться на уже имплицитно принятые обществом нормы: рабочий класс выступает против того, что Маркс называет «истиной» или, как мы можем сказать, против нормативного восприятия уже устоявшегося концепта «частной собственности» [Marx 1971, 342]. В то время как они требуют лишь трансформации «политической» демократии в «социальную», группировки буржуазии противостоят другому нормативному истолкованию того же института «частной собственности», говоря при известных обстоятельствах о парламентском представительстве, которое, однако, они не хотят распространять на сферу производства.

Динамика или, как мы теперь уже можем говорить, особая темпоральность таких нормативно опосредованных конфликтов возникает, по мнению Маркса, из того факта, что каждая из участвующих, культурно интегрированных группировок обязана реагировать на постоянно меняющиеся вследствие конфликтов обстоятельства путем творения новых идей, в которых руководящие нормы в каждом случае адаптированы к новым условиям [Marx 1971, 340]. Конечно, это не означает, что в данном контексте просто отрицается существование интересов, связанных с социально-экономической ситуацией; но Маркс полагает, что такие заинтересованности в обеспечении и улучшении собственных или коллективных условий жизни вообще могут стать исторически эффективными лишь как нормативно истолкованные установки к действиям, поэтому они никогда не являются самостоятельными сущностями, но всегда представляют собой мотивы, слитые с культурными нормами. Социальные столкновения между коллективами теперь обладают характером «событий» в том смысле, что они могут фактически влиять на будущий ход исторического события и изменять его направление; это происходит, поскольку конфликтующие группы имеют возможность придать измененное значение своим ранее легитимизированным

нормам в ответ на реакцию противника, так, что новые цели социального действия воплощаются в исторической реальности. Важно ясно представлять себе эту связь между пластичностью нормативных установок и событийностью исторического процесса, поскольку она решительно определяет метод изложения Маркса в его историко-политических сочинениях: изменения направления в историческом процессе, имеющие характер «событий», происходят лишь из-за того, что нормативные убеждения действующих коллективов коррелируют друг с другом и поэтому могут изменять свое значение в зависимости друг от друга. Вид темпоральности, который Маркс положил в основу «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданской войны во Франции», представляет собой, таким образом, непредсказуемую изменчивость исторических событий, вызванную постоянными изменениями смысла в нормативных установках конфликтующих сторон [Sewell 2005].

В своей работе «К критике политической экономии», которая в целом посвящена синхронному анализу капиталистического уклада экономики, Маркс также описывает исторические события; такие исторические вкрапления, как убедительно показал Георг Ломанн [Lohmann 1991, прежде всего, Кар. II.], хотя и служат в «Капитале», как правило, для нормативного целеполагания, однако иногда они выполняют там лишь функцию исторических объяснений, в которых они неизбежно привлекаются для описания необходимых предпосылок капиталистических отношений. В дальнейшем я остановлюсь на двух таких исторических отступлениях, чтобы исследовать вопрос о том, какую темпоральность Маркс мог использовать в своей критике политической экономии. В первом из этих отрывков, знаменитой восьмой главе первого тома «Капитала», речь идет о борьбе за продолжительность рабочего дня; второй отрывок находится в 3 томе того же сочинения, где в 27-й главе под заголовком «Роль кредита в капиталистическом производстве» рассматривается появление современных акционерных обществ и рабочих кооперативов. В обоих случаях мы, несомненно, имеем дело с историко-политическими представлениями, поскольку в каждом случае Маркс прерывает ход своего синхронного анализа капиталистических отношений, чтобы описать либо предшествующую борьбу, либо современные события, знание которых, по его мнению, необходимо для полной картины капиталистического уклада экономики; однако манера,

в которой он описывает эти события, фундаментально отличается, концептуально и методологически, от способа представления, избранного Марксом в его двух исторических сочинениях.

В исторической главе о борьбе за сокращение продолжительности рабочего дня первым бросается в глаза то, что речь идет не об отдельных, нормативно различающихся фракциях противоборствующих сторон, а только о двух антагонистически противоборствующих коллективных субъектах. Все различия внутри экономически детерминированных групп, исходящие из региональных или культурных особенностей, отброшены, таким образом и «капитал», и «рабочий класс» действуют, исходя каждый из своего однозначного и неизменного с самого начала интереса – то, что в историко-политических сочинениях есть величина, зависящая от культурно-моральных интерпретаций, здесь представляется зависимым лишь от положения в производственных отношениях и уже как таковое проявляет силу, ориентированную на практику.

Хотя, в некоторых местах Маркс все еще вскользь говорит о различных «фракциях господствующих классов» [Маркс, Энгельс 1960, 295] – чисто полемически названных в данном контексте «земельными собственниками и капиталистами, биржевыми волками и лавочниками, протекционистами и фритредерами, правительством и оппозицией, попами и вольнодумцами, молодыми блудницами и старыми монахинями» [Маркс, Энгельс 1960, 295], он это делает лишь затем, чтобы в том же предложении доказать, что их интересы снова едины со времен французских волнений 1848 г. Рассматривать все социальные группы как принадлежащие одному из двух коллективных субъектов, «классу капиталистов» или «рабочему классу» [Маркс, Энгельс 1960, 309] Марксу позволяет то методологическое положение, что в модели критикуемой им политической экономии он понимает все действия как следствие рыночного расчета полезности. Намерения акторов действовать более не опосредованы моральными нормами, следующими из семантического контекста уже институционализированных принципов («свобода заключения договоров», «частная собственность»), но следуют лишь из конечных экономических интересов, основанных на привязанности [акторов] к их фундаментальному положению о владении средствами производства или отказе от них, и представляются установленными раз и навсегда. Как следствие такой фиксации

коллективных интересов в тексте едва ощутимо утверждается форма темпоральности, значительно отличная от той, которую использовал Маркс в своих историко-политических сочинениях: поскольку интересы противоборствующих классов в принципе унифицированы и новые нормативные толкования, которые могли возникнуть из опыта конфликтов, более не допускаются, избораемые события происходят в практически линейной схеме экспансии интересов капиталистической эксплуатации, которая может быть лишь замедлена действиями рабочего класса, описываемыми как противодействие, но неспособными повлиять на эти события. Все институциональные нововведения рабочего движения (в главе о продолжительности рабочего дня это, прежде всего, создание рабочих кооперативов Роберта Оуэна [Маркс, Энгельс 1960, 310]) рассматриваются на фоне этой темпоральности как малозначимые явления, но не как «события», способные в силу своей природы как нормативного образца повлиять либо на стратегические решения самих предприятий, либо на активную часть работающих; даже после возникновения инициативы [деревни] Нью-Ланарк, которая в то время привлекла большое внимание в Западной Европе [Polanyi 1978], по мнению Маркса, все должно было оставаться неизменным, не должно было появляться новых групп акторов, и проверенные стратегии получения прибыли не должны были девальвироваться. В целом кажется, что процесс борьбы за сокращение продолжительности рабочего дня на удивление беден событиями: даже там, где упоминаются более драматические события, такие как февральская революция во Франции [Маркс, Энгельс 1960, 311], они представляются ступеньками в одномерном процессе, который лишь ожидал исторического случая, чтобы окончательно реализоваться.

Эта временная схема неостановимой, непрерывной экспансии интересов капиталистической эксплуатации, часто называемая процессом «реального подчинения», также присутствует в «Капитале», где Маркс пытается указать на переход к посткапиталистической экономической формации. Пример утверждения такой имманентной самореализации капитализма можно найти в 27-й главе III тома, которая, помимо постепенно развивающихся акционерных обществ вновь обращается к рабочим кооперативам, основанным Робертом Оуэном. Обе формы организации промышленных предприятий представляют для Маркса результат одного и того же процесса, а именно централизации

капитала и, следовательно, «экспроприации» малых и средних капиталистов вплоть до порога, при котором экономически разросшиеся до огромных размеров производства могут финансироваться лишь объединениями многочисленных акционеров или ассоциациями «капиталистически» развившихся производителей. На этом этапе, который часто упоминается просто как «переходный этап» [Marx 1983, 453], согласно Марксу, капитализм начинает упразднять сам себя, поскольку владение капиталом в виде акций или кооперативов больше не взаимосвязано с контролем производственного процесса, так что необходим только последний шаг, который предоставит рабочим, уже фактически контролирующим свой труд, общественное владение на производствах: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других – положительно» [Маркс, Энгельс 1960, 484]. Едва ли можно лучше выразить ту мысль, что создание производственных кооперативов не является меняющим направление исторического процесса «событием», в ходе которого, благодаря нормативным нововведениям рабочего движения, на капиталистический рынок выходят совершенно новые группы акторов, чтобы до некоторой степени обобществить этот рынок «снизу» [Honnet 2011, 369]. Для Маркса все, что происходит в капиталистическом способе производства, вырождено в его историческом значении и лишено всякого характера события, поскольку тут существует только один вид темпоральности, состоящий в линейной экспансии капитала вплоть до его органической самоликвидации.

Утверждение о специфической темпоральности, свойственной капитализму, само по себе не создало бы проблем для монотонной и линейной экспансии единого базового принципа – многие авторы по сей день пытаются разрабатывать подобную устойчивую временность капиталистической общественной формации [Sewell 2008; Postone 1993], – если бы она [темпоральность] не находилась в явном диалектическом противоречии с предположениями относительно темпоральности классовой борьбы, представленными в историко-политических сочинениях. В различных частях своего позднего сочинения Маркс исходит из двух противоположных представлений о темпоральности современных капиталистических сообществ, не предпринимая даже малейших усилий по их

примирению. При описании классовой борьбы в исторических исследованиях он предполагает постоянную изменчивость направления исторических процессов, вызванную в каждом случае тем, что коллективные акторы придают институциональную реальность новым нормативным ориентациям, тогда как в «Капитале» он отрицает возможность подобного изменения направления, поскольку капиталистическое развитие должно идти строго по пути социальной экспансии капиталистических отношений. Если мы еще больше углубим это противоречие, можно также говорить, что в первом случае нормативности социальных действий придается сила фактичности, во втором случае, напротив, фактичности капиталистических отношений придается сила нормативного: в отношении классовой борьбы, описанной в историко-политических сочинениях, следует считать, что она может генерировать среди коллективных акторов нормативные идеи, которые, благодаря своей реальности, институциональному воплощению, могут привести к изменению направления исторического процесса, в то время как капиталистические отношения в «Капитале» следует рассматривать в том ключе, что они аннулируют все подобные изменения нормативных ориентаций, поскольку посредством этих изменений могут определяться позиции вовлеченных акторов. На данном этапе возникает вопрос о том, какой стала бы марксистская критика политической экономии, если бы Маркс учитывал в ней выводы своих историко-политических сочинений, обратный же вопрос поставить нельзя, потому что применить темпоральность, принятую в «Капитале», к историческому материалу, означало бы лишить изображенные события их характера событий и тем самым отказаться вообще от намерения исторического исследования. Чтобы избежать противоречия между двумя типами текста, единственным выходом остается перспектива вернуть «Капиталу» ту часть формирующей действительности морали, которая, согласно историко-политическим сочинениям, обеспечивает событийность исторических процессов.

2

Более или менее абстрактно можно выразить ожидание, что снятие противоречия в поздней работе Маркса будет каким-то образом учтено при экономическом анализе действенной морали. Что это может означать конкретно, я попытаюсь объяснить в дальнейшем в нескольких замечаниях.

Если бы Маркс продолжал следовать идеям своих историко-политических сочинений и в «Капитале», он, согласно этому первоначальному тезису, должен был бы не только «критически» представить господствующую политическую экономию, но и в принципе выйти за категориальные рамки расчета прибыли или оценки процентов с вложений, к которым принуждает рынок. По моему мнению, он должен был бы решиться на то, чтобы «политизировать» и «социологизировать» основные экономические понятия, посредством которых из экономической деятельности выявился бы слой нормативной конфликтности, который сам по себе постоянно пронизывает капиталистические отношения. В результате такого акцента на характер экономических решений, постоянно социально оспариваемый, можно было бы, наконец, показать, что капитализм обладает таким же видом сложной, событийной темпоральности, которую Маркс, по-видимому, намеревался применить только к политической истории буржуазных обществ. В целом, такое начинание, вероятно, приведет к сложной задаче, схожей с замыслом Поланьи (1978): переформулировать все занимающие у Маркса центральное положение категории не только с позиции наблюдателя, но и с позиции участника, таким образом, чтобы могли быть учтены нормативные значения для каждого действующего лица и, следовательно, целый спектр различных последующих действий.

В этом отношении предлагаемая ревизия должна также начинаться с новой формулировки старой, в конечном счете, утилитарной концепции «экономического субъекта», которая оказывается у Маркса нерассмотренной, когда он говорит о «характерных экономических масках лиц» или «агентах» капиталистических отношений, под которыми следует понимать не что иное, как участников действий, следующих за их [агентов] целерациональными интересами: «интересы» таких акторов никогда, как, пожалуй, наиболее отчетливо показал Альберт Хиршман (4) на примере господствующей экономической теории, не определялись параметрами экономической рациональности, так что не всегда нужно учитывать нормативные ориентации, чтобы закрыть соответствующие пробелы в принятии решений. Но если участники процессов, происходящих на капиталистическом рынке, могут формулировать свои собственные интересы вообще только в свете норм, то они теряют единообразие и однородность, которые, казалось бы, свойственны им, если придерживаться идеи о

принципиальной предсказуемости экономической прибыли или максимизации полезности. Кроме того, в основе такого разнообразия экономических акторов лежит тезис о «разновидностях капитализма», из которого следует, что на интересы эксплуатации в значительной степени влияют «нормативные ограничения» соответствующего культурного фона, складывающегося из институциональных условий и практик. Во всяком случае, понимание нормативной гибкости экономических интересов требует отказаться от идеи, что способ действий соответствующих участников рынка в каждом случае определен раз и навсегда. Скорее, они разделяются на столько же групп акторов, сколько существует нормативных установок, посредством которых предприниматель или наемный рабочий реагирует на капиталистические отношения обмена.

Если такая «социологизация» анализа капитализма означает, что необходимо учитывать нормативную окраску экономической реакции с обеих сторон соответствующего акта обмена, то из этого ни в коем случае не следует раскрытие каждого намерения в синхронном анализе капиталистических отношений. Кроме того, структурное принуждение к максимизации прибыли и сопутствующее этому использование товара «рабочая сила» составляют основу анализируемого экономического уклада, но все это остается открытым для изменения моделей действия, лежащих в основе этого уклада, которые в свою очередь могут быть следствием постоянно и неизбежно возникающих перемен в нормативных ориентациях участников. Вследствие этого, разумеется, меняется и вид темпоральности, который вообще допускается посредством подобного синхронного анализа – возможность непредсказуемых целерациональных действий внезапно порождает возможность исторических «событий», обладающих способностью менять исторический курс капиталистического развития. Хорошим примером временности, появляющейся в результате «социологизации» анализа капитализма, могли бы быть объединения рабочих, основанные благодаря чартистскому движению в 1840 г.: в то время как Маркс в «Капитале» рассматривает их лишь как маргинальные явления и даже как переходные этапы линейного процесса подчинения, в анализе, уточненном с социологической точки зрения, они предстают как исторические события, которые могли противопоставить капиталистическим предприятиям пользующуюся спросом альтернативу, по крайней мере, на кратком историческом отрезке. Было бы методологической ошибкой судить об эффективности «закона» подчинения

капиталу на основании провала этой альтернативы производственных кооперативов, потому что тогда мы бы не учитывали всего богатства каузальных факторов, а остановились бы только на одном, который был несправедливо признан ответственным за «неудачу» такого протестного движения [Weber 1968].

Развитие капитализма, если оно рассматривается с точки зрения нормативной конфликтологии, полно таких исторических разрывов, и, следовательно, событий, потенциально несущих структурные изменения: к их числу относятся насильственное внедрение участия рабочих в управлении предприятием в западногерманский послевоенный капитализм, а также создание потребительских кооперативов, в не меньшей степени – завоевание профсоюзами восьмичасового рабочего дня, и, как пример «негативного» события, решение правительства о дерегулировании капиталистических финансовых спекуляций. Все эти исторические моменты представляют собой не просто поверхностные явления или проходные стадии в линейном развитии капитализма, как это утверждает Маркс в «Капитале», а «события», которым, в отличие от других происшествий, присуща способность менять устоявшиеся структуры и даже трансформировать их, в зависимости от степени их альтернативности. Свойством образовывать события в таком смысле вышеназванные происшествия обязаны тому факту, что они восходят к нормативным инициативам, которые, согласно господствующей рыночной логике, подтвержденной Марксом, не могут обладать рациональностью. Разумеется, для объяснения, почему сомнительно, что какое-либо из этих нормативных достижений может быть институционально установлено в долгосрочной перспективе, требуется категория, концептуальные предпосылки которой обнаруживаются не в «Капитале», а только в историко-политических произведениях Маркса: только там, во множестве мест, можно встретить подтверждение, что «соотношение сил» между соответствующими группами акторов в конечном счете имело решающее значение для успеха или неудачи морально ориентированных достижений противоборствующих сторон. Категория «соотношение сил», или «расстановка сил» вовсе не является простой в использовании ни в социологическом, ни в социально-историческом плане, поскольку неясно, какими ресурсами располагают те или иные подгруппы в контексте различных противостояний, чтобы добиться осуществления своих нормативно окрашенных интересов. В этом может помочь только конкретный анализ ситуации, в который, кроме того, необходимо включить общие морально-культурные настроения населения,

потому что они исторически участвуют в определении спектра того, что можно считать законным средством принуждения. С другой стороны, несмотря на все трудности, эти или смежные категории остаются незаменимыми в «социологическом» анализе капитализма, поскольку только они могут дать понимание того, что именно препятствует разворачиванию произошедшего исторического «события» в более долгосрочной перспективе: в этом смысле темпоральность капитализма, рассматриваемая с точки зрения не «Капитала», а историко-политических сочинений Маркса, имеет сложную структуру полемики между разными акторами, обладающими разными средствами принуждения, по поводу устойчивости последствий событий, прерывающих тенденцию подчинения, диктуемую «Капиталом». Борьба между многочисленными группами акторов, объединенными в своих нормативных установках за счет общности их членов, – то, что Маркс неоднократно называет «классовой борьбой» – в конечном итоге определяет временность капиталистического развития: то, какой именно вид нового нормативного урегулирования закрепится на рынке труда, в сфере потребления или в финансовом секторе, какое «событие» будет обладать структурообразующей силой, решается в результате борьбы между этими группами, в которой используются различные средства влияния и принуждения. Подытоживая, мы можем констатировать, что только с включением морали в политическую экономию отчетливо вырисовывается измерение социальной борьбы во внутренних отношениях капиталистической рыночной экономики. Только если в рамках категориальной структуры «марксистской» экономической теории будет предусмотрена возможность влияния моральных ориентаций на баланс интересов, лишь кажущийся целерациональным, сам рынок сделает видимыми противоречия и конфликты, касающиеся интерпретации легитимности всех происходящих сделок: ни продолжительность рабочего дня, ни качество соответствующих рабочих мест, ни тип производственного контроля, ни распределение доходов никогда не были защищены от такой нормативной проблематизации, поскольку все они могут быть поставлены под сомнение, как только в поле рассмотрения оказывается зависимость передовой рыночной логики от нормативных договоров. В своем «Капитале» Маркс совсем не учитывал такие конфликты в качестве действительных «событий». Принимая гегелевскую философию истории, он рассматривал в нем все классовые противоречия лишь как переходные стадии линейного развития капиталистических отношений подчинения.

То, что касается марксистской критики политической экономии, конечно, в еще большей степени справедливо в отношении самой дисциплины, которую он критикует: ни в неоклассической экономической теории, ни в находящейся под ее влиянием экономической истории, вообще не принимается во внимание, что стратегии максимизации прибыли, предполагаемые на рынке, пронизаны нормативными толкованиями, легитимность которых постоянно оспаривается среди участников в свете общепринятых моральных принципов (5).

Сегодня мы можем избежать политического квиетизма, практического самозапугивания, которые сопутствуют логике подчинения Маркса, лишь совершив теоретический отказ от предпосылок его критики политической экономии. Ее необходимо заменить социологизированным анализом капитализма, который, помимо нормативных оснований всех экономических решений, также вводит в рассмотрение измерение социальной борьбы. Если мы распространим метод, использованный Марксом в его историко-политических сочинениях, на анализ капитализма, то увидим, что на всех этапах капитализма, помимо «движений», как уже показал Карл Поланьи, всегда есть «контрдвижения» [Polanyi 1978, 112, 182–187]. Чтобы отталкиваться от этого, требуется критика «Капитала» Маркса с помощью средств, вытекающих из оснований его собственных работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Под «здесь» автор имеет в виду работы по критике политэкономии.

(2) Под «там» А. Хоннет подразумевает историко-политические сочинения в целом.

(3) Имеется в виду работа К. Маркса «Гражданская война во Франции».

(4) См.: [Hirschman 1989]. О таком расширении применяемого в хозяйствовании понятия выгоды см.: [Polanyi 1978, 217].

(5) См.: [Hall, Soskice 2001]. Здесь, конечно, критически освещается не только марксистская экономическая теория, но и в еще большей степени – господствующая сегодня экономическая теория, которая полагает, что можно пренебречь всеми институционально-нормативными ограничивающими условиями в формировании экономических интересов. Для первого знакомства см.: [Etzioni 1988].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Маркс, Энгельс 1960 – Маркс К. Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Издательство политической литературы, 1960.

Althusser 1968 – *Althusser L.* Für Marx. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968.

Etzioni 1988 – *Etzioni A.* The moral dimension. Towards a new economy. – N. Y.: Macmillan, 1988.

Castoriadis 1980 – *Castoriadis C.* Sozialismus oder Barbarei. – Berlin: Wagenbach, 1980.

Habermas 1968 – *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968.

Hall, Soskice 2001 – *Hall P.A., Soskice D.* Varieties of capitalism: the institutional foundation of comparative advantage. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

Hirschman 1989 – *Hirschman A.O.* Wider die „Ökonomie“ der Grundbegriffe. Drei einfache Möglichkeiten, einige ökonomische Grundbegriffe komplizierter zu fassen // Hirschman A.O. Entwicklung, Markt und Moral. Abweichende Betrachtungen. – München: Carl Hanser, 1989.

Honneth 2011 – *Honneth A.* Das Recht der Freiheit. Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011.

Honneth, Joas 1987 – *Honneth A., Joas H.* War Marx ein Utilitarist? Für eine Gesellschaftstheorie jenseits des Utilitarismus // I Internationales Symposium zur Theorie und Geschichte der Soziologie. Bd. 1. Akademie der Wissenschaften der DDR. – Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1987.

Lohmann 1991 – *Lohmann G.* Indifferenz und Gesellschaft. Eine kritische Auseinandersetzung mit Marx. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991.

Marx 1971 – *Marx K.* Der Bürgerkrieg in Frankreich // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 17. – Berlin: Dietz, 1971.

Marx 1983 – *Marx K.* Das Kapital. Bd. III // *Marx K., Engels F.* Werke. Bd. 25. – Berlin: Dietz, 1983.

Marx 2007 – *Marx K.* Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2007.

Merleau-Ponty 1968 – *Merleau-Ponty M.* Die Abenteuer der Dialektik. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968.

Polanyi 1978 – *Polanyi K.* The Great Transformation. Politische und ökonomische Ursprünge von Gesellschaften und Wirtschaftssystemen. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1978.

Postone 1993 – *Postone M.* Time, labor, and social domination: a reinterpretation of Marx's critical theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Sewell 2005 – *Sewell W.H.* Logics of history. Social theory and social transformation. – Chicago: Chicago University Press, 2005.

Sewell 2008 – *Sewell W.H.* The temporalities of capitalism // *Socio-Economic Review.* 2008. Vol. 6. S. 517–537.

Streeck 2009 – *Streeck W.* Reforming capitalism. Institutional change in the German political economy. – Oxford: Oxford University Press, 2009.

Weber 1968 – *Weber M.* Objektive Möglichkeit und kausale Verursachung in der historischen Kausalbetrachtung // *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1968.

THE MORAL IN "THE CAPITAL". AN ATTEMPT ON REVISION OF MARXIST CRITIQUE OF POLITICAL ECONOMY

A. HONNETH

Frankfurt University, Frankfurt am Main, Germany;

Columbia University, New York, USA

Summary

In the article the modern German philosopher, a theorist of Frankfurt school Axel Honneth, following the leading representatives of the Western Marxism, recognizes essential distinction between historico-political writings of Marx and his later works on economy. He discovers the specificity of this deep divergence in the fact that Marx, explaining the social processes in these two bodies of his works, uses different categories of temporality and applies different theories of action. The author clearly shows that in Marx's historical and political works moral intentions of collective actors are crucial in determining social actions, while in later works on political economy they play no role any longer, since all the processes of development of society are explained there by expansion of the logic of capital. Conclusions drawn from the moral aspects of collective action in Marx's historical and political writings, are applied in this work to the conceptual expansion of the Marx's analysis of capital, which, according to Honneth, is too narrowly based on "utilitarian premises". Honneth is convinced that only after expanding the conceptual foundations of "Capital" by sociological context we can clearly see the normative conflicts accompanying capitalist activity. According to the author, only by including morality in the political economy we can reveal the influence of social struggles on the internal relations of the capitalist market economy. In his opinion, this is a necessary start for the construction of any practically oriented social theory.

Keywords: moral conflicts, temporality, theory of capital, structural analysis, theory of action.

Honneth, Axel – German Philosopher, Theorist of the Frankfurt School, Director of the Institute for Social Research at Frankfurt University, Professor at Columbia University.

ah2952@columbia.edu

Translated from German by:

Korostichenko, Ekaterina – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow of the Department of Modern Western Philosophy at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

<https://iphras.ru/korostichenko.htm>

ek.korostichenko@gmail.com

Citation: HONNETH A. (2018) The Moral in "The Capital". An Attempt on Revision of Marxist Critique of Political Economy. Translated from German by E.I. Korostichenko. In: *Philosophical Sciences*. 2018. Vol. 2, pp. 45-61. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-45-61.